

— У него что, денег куры не клюют? Верить торговцам на старой улице? Выложить двадцать пять тысяч за какую-то чашку? Да мне и двадцати пяти рублей на нее жалко! Налог на глупость чистой воды!

— Развели как последнего дурака. Владелец лавки небось заливал соловьем: мол, этой вещице тысяча восемьсот лет, сам император из нее пил! Жуткая ценность! И деньги сохраните, и в цене вырастет! Я таких сказок с ходу сотню сочиню. Уровень здравого смысла и интеллекта у звезд шоу-бизнеса и правда вызывает серьезные опасения!

— Юй Нянь опять усердно лепит себе образ? Когда только дебютировал, строил из себя благородного господина. Когда вскрылось, что он даже доставку еды оплатить не может, переключился на образ парня, который всего добился сам. А потом внезапно всплыла куча слухов. Видимо, пиарщики никак не хотят отпускать образ богатого наследника и теперь пытаются выставить его искушенным и состоятельным коллекционером антиквариата. Но отдавать двадцать пять тысяч за барахло из сувенирной лавки на старой улице — это уже перебор ради пиара!

Вскоре журналисты из светской хроники отправились на старую улицу, чтобы расспросить владельца антикварной лавки обо всех подробностях. Тот скрывать ничего не стал и во всех деталях пересказал их разговор. Как только фрагмент интервью выложили в сеть, хэштег #ЮйНяньОбманут мгновенно взлетел в тренды.

— #ЮйНяньОбманут А-а-а, Няньнянь! Даже если у нас есть деньги, нельзя же так ими разбрасываться! Сам хозяин лавки сказал, что купить это мог только круглый дурак, ну как ты мог быть таким наивным!

— #ЮйНяньОбманут Кошмар, хозяин говорит, что уже отдал деньги той старушке и вернуть их не получится. Так жалко Няньняня! Ну, хотя бы помой ее хорошенько, может, пить из нее можно будет. Только перед тем как наливать воду, обязательно продезинфицируй! Бог знает, где эта бессовестная бабка откопала эту разбитую чашку!

— #ЮйНяньОбманут И это в трендах? Честно говоря, парень явно переоценил себя. Хозяин лавки его изо всех сил отговаривал, твердил, чтобы не брал, что это обман, а Юй Нянь все равно настоял на своем. Ну ладно, раз денег девать некуда. Видимо, зазвездился, возомнил себя великим знатоком, способным отыскать бриллиант в куче песка!

Мэн Юань пролистал комментарии и подытожил:

— Твои фанаты переживают за твои деньги, боятся, что тебя обманули, просят в следующий раз быть осмотрительнее — прямо-таки каждый хочет удержать твою руку, когда ты тянешься за кошельком. А злорадствуют в основном хейтеры и мимокрокодилы, у них пластинка одна и та же.

Заметив, что Юй Нянь бережно держит в руках фарфоровую чашу и внимательно ее рассматривает, Мэн Юань с любопытством спросил:

— Няньнянь, эта штука и правда стоит двадцать пять тысяч?

Сам он уже обжигался на коллекционировании и инвестициях в антиквариат, потеряв немало денег, и прекрасно понимал, что в искусстве ничего не смыслит. Однако Юй Няню он доверял: человек, который покупает одежду дюжинами, не стал бы бросать деньги на ветер.

Взгляд Юй Няня был прикован к фарфоровой чаше, лицо оставалось совершенно спокойным.

Услышав вопрос Мэн Юаня, он покачал головой:

— Гораздо больше.

Глаза Мэн Юаня загорелись:

— Больше? Двести пятьдесят тысяч? Да ты в десять раз окупился!

Юй Нянь снова покачал головой:

— Больше.

У Мэн Юаня перехватило дыхание, и он осторожно прошептал:

— Два с половиной миллиона?

Отведя взгляд, Юй Нянь мягко прищурился, отчего родинка у внешнего уголка его глаза словно ожила от улыбки.

— Брат Мэн, бери выше.

Мэн Юань едва не лишился чувств. Кончики его пальцев задрожали, он указал на грязную фарфоровую чашу в руках Юй Няня:

— Два... двадцать пять миллионов?

Юй Нянь не кивнул, а лишь спокойно произнес:

— Двести пятьдесят миллионов.

Взгляд Мэн Юаня остекленел, он долго не мог обрести дар речи:

— Ско... сколько? Сколько ты сказал?

Юй Нянь терпеливо повторил:

— Двести пятьдесят миллионов. Это чаша с петухом и камнями в стиле доуцай. Если выставить ее на аукцион, стартовая цена составит около ста восьмидесяти миллионов. Поэтому я оцениваю ее в двести пятьдесят миллионов. Итоговая стоимость сделки может быть и выше, но вряд ли превысит триста миллионов.

Лишь спустя долгое время Мэн Юань ошеломленно пробормотал:

— Мне кажется, с тех пор как я начал с тобой работать, мой порог чувствительности к деньгам взлетел до небес!

Он подумал, что теперь, даже если перед ним вырастут золотые горы, он и бровью не поведет. В конце концов, он ведь целых полдня продержал в руках какую-то грязную чашку стоимостью в двести миллионов!

Услышав слова Мэн Юаня, Юй Нянь рассмеялся:

— Впрочем, я еще не до конца уверен в ее подлинности, нужно вернуться и все изучить.

— Рискнешь? — подхватил Мэн Юань.

— Это не совсем риск. Даже если это копия, уровень мастерства настолько высок, что она полностью оправдывает двадцать пять тысяч. На самом деле, она стоит гораздо дороже этой суммы.

Юй Нянь слегка нахмурился, чувствуя какую-то странность:

— Вот только слова хозяина лавки кажутся мне какими-то странными. Если женщина, сдавшая ее на комиссию, была настоящей владелицей этой чаши с петухом и камнями в стиле доуцай, она не могла не знать ее истинной ценности. И уж точно не стала бы так беспечно оставлять ее в безвестной лавчонке на старой улице. К тому же, судя по рассказу хозяина, у него сложилось крайне неприятное впечатление о ней.

Мэн Юань не стал вдаваться в такие подробности:

— Если она подлинная, то тебе невероятно повезло ее купить. Иначе сокровище так и пылилось бы без дела, а то и вовсе разбилось бы по неосторожности. Было бы ужасно жаль!

До начала премьеры оставалось еще много времени, поэтому Юй Нянь решил позвонить Жун Юэ и пригласить его пообедать в частном ресторанчике.

В отдельном кабинете, пока Жун Юэ еще не приехал, к Юй Няню из кухни вышел Шэнь Вэй. Его лицо так и светилось от радости:

— Молодой господин, вы так давно у нас не были!

Юй Нянь мягко улыбнулся:

— Простите, дядя Шэнь, действительно давно. В последнее время закрутился, работал без продыху.

— Это из-за фильма с госпожой Юй Цин? Я видел в новостях. Вам очень идет исторический костюм, молодой господин. А госпожа Юй Цин в роли женщины-генерала — вылитая она сама в жизни!

Юй Нянь попробовал десерт, который Шэнь Вэй приготовил специально для него, и рассмеялся:

— Да, сестра с самого детства мечтала стать то женщиной-генералом, то благородной воительницей. Главное, чтобы с мечом или саблей в руках и можно было драться!

Оба вспомнили былые времена в особняке Сынин и дружно рассмеялись.

Жун Юэ приехал быстро. Едва переступив порог, он засыпал его вопросами:

— Няньнянь, что за сокровище ты раздобыл? Я читал в новостях, что ты купил его в какой-то сувенирной лавке на старой улице?

Юй Нянь жестом пригласил Жун Юэ сесть и прямо ответил:

— Это чаша с петухом и камнями в стиле доуцай.

Жун Юэ резко вдохнул и долго не мог прийти в себя:

— Быть... быть не может! Правда?

Юй Нянь бережно опустил фарфоровую чашу на шелковый отрез и уверенно произнес:

— Вероятность процентов восемьдесят, что я не ошибся.

— Какое там «восемьдесят»! У тебя же глаз-алмаз, тебе достаточно одного взгляда, чтобы определить подлинность и возраст вещи! К тому же ты с самого детства рос под крылом дедушки. Сколько всего ты повидал и перетрогал — и только что раскопанного, и выставленного в музеях! Раз ты говоришь про восемьдесят процентов, значит, она точно настоящая!

Глядя на лежащую перед Юй Нянем чашу, все еще покрытую слоем земли, Жун Юэ даже затаил дыхание:

— Я только слышал о подобных вещах, но никогда не видел воочию.

— Да, — подтвердил Юй Нянь. — В «Дворцовых хрониках» упоминается: «Перед императором Гао-цзуном стояла пара чаш с петухами и камнями в стиле доуцай, оцененная в сто тысяч монет». Эта утварь предназначалась исключительно для императорского стола и никогда раньше не попадала к простолюдинам. До наших дней их практически не дошло. Я сам обомлел, когда увидел ее на лотке у дороги.

— Все-таки у тебя потрясающее чутье, Няньнянь. Окажись на твоем месте я, скользнул бы взглядом и пошел дальше, ни за что бы не опознал. — Жун Юэ вздохнул: — При твоём умении и редкую жемчужину в грязи разглядишь!

Заметив, как пристально Жун Юэ рассматривает чашу с петухом и камнями в стиле доуцай, Юй Нянь немного подумал и спросил:

— Дядя Жун, что вы знаете о семье Сяо из Нинчэна?

— О семье Сяо? — Жун Юэ задумался. — Я знаю о них немного, но кое-что слышал. В Нинчэне четыре великих клана. Ваш род Юй из Циншани с давних пор обосновался здесь — это раз. Семья Шэн, с которой вы состоите в родстве, — два. Оставшиеся Лю и Сяо с каждым поколением все больше приходили в упадок. У Лю вообще никого не осталось, их родовое гнездо едва ли не в туристический объект превратили.

Он попытался вспомнить детальнее:

— Что касается семьи Сяо, то я слышал, будто у них остался последний потомок по имени Сяо Инкэ. Ему сейчас должно быть лет пятьдесят-шестьдесят. Здоровье у него совсем слабое, даже не знаю, жив ли он еще.

Юй Нянь погрузился в раздумья:

— Владелец лавки упомянул, что чашу принесла седая пожилая женщина, которая утверждала, что по мужу она из семьи Сяо.

— Это невозможно, — покачал головой Жун Юэ и уверенно добавил: — Супруга главы семьи Сяо в предыдущем поколении скончалась, когда ей было чуть за тридцать. А этот Сяо Инкэ так ни разу и не женился! — Он посмотрел на Юй Няня: — Думаешь, чаша попала на рынок из дома Сяо?

— Да. Даже если семья Сяо пришла в упадок и лишилась наследников, одна-две семейные

реликвии у них вполне могли сохраниться.

Жун Юэ немного подумал:

— У меня есть знакомые, я поспрашиваю для тебя.

В этот момент у Юй Няня зазвонил телефон. Стоило ему увидеть имя на экране, как его лицо озарила нежная улыбка, а в глазах словно замерцали тысячи далеких звезд и светлячков.

Услышав, с какой поразительной нежностью заговорил Юй Нянь, Жун Юэ с любопытством покосился на него.

<http://bllate.org/book/18301/1757208>